

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.08:159.9

И.В. Кошчиенко

"МЫ В ФОРТЕЦИИ ЖИВЕМ...": ВОЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК У А.С. ПУШКИНА (НА ПРИМЕРЕ ЭПИГРАФОВ РОМАНА "КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА")

В статье анализируются эпиграфы романа А.С. Пушкина "Капитанская дочка", помогающие раскрыть основные типы военных людей среди дворянства, казачества, простых солдат и обнажающие проблемы военной службы в екатерининскую эпоху. Показана связь эпиграфов между заголовком и текстом, выводящая к философскому осмыслению значимого для Пушкина понятия "честь – самостоянье".

Ключевые слова: эпиграф, текст, А.С. Пушкин, Капитанская дочка, военная служба, дворянство, казачество, солдат, честь, самостоянье.

I.V. Koshchienko

"WE LIVE IN A FORTRESS...": THE IMAGE OF A MILITARY MAN IN A.S. PUSHKIN'S CREATIVE WORK (BASED ON THE EPIGRAPHS TO HIS NOVEL 'THE CAPTAIN'S DAUGHTER')

The epigraphs to A.S. Pushkin's novel 'The Captain's Daughter' are taken into consideration and analysed in the article. They help to expose some major types of military men among Russian gentry, Cossacks and soldiers and problems of military service in the time of the Russian Empress Catherine II. Some close links of the 'between-title-and-text' epigraphs are brought to light resulting in philosophical understanding of the notion 'honour - self-standing' ('samostoian'ie') which was very significant for Pushkin's creative mind.

Key words: epigraph, text, A.S. Pushkin, 'The Captain's Daughter', military service, gentry, Cossacks, soldier, honour, 'self-standing' ('samostoian'ie').

В "Капитанской дочке" отразились тенденции позднего творчества Пушкина и его мировоззренческих исканий. Роман ставит вопросы о русском менталитете, о человеке долга, чести, о чем говорит пословица, взятая Пушкиным в качестве общего эпиграфа к роману – "Береги честь смолоду. *Пословица*" [2, с. 277]. Проблема чести, как ее понимал Пушкин, нуждалась в пояснении. В одной из заметок, посвященных размышлениям писателя о дворянстве, он писал: "Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так, но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. – Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они охрана трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества" [3, с. 205]. Итак, честь – основа нравственного кодекса людей всех классов, так как она носит "природный" характер. Честь свойственна и дворянству (независимо от происхождения, военных чинов, званий), и крестьянству. "Образ жизни" напрямую влияет на развитие главных черт человека: у крестьян нет на это времени, а помещичья, военная, чиновная деятельность дворян душит эти качества. Пушкин приходит к выводу, что только в юном возрасте возможно формирование и упрочение нравственных устоев. Неслучайно возраст главного героя "Капитанской дочки" – семнадцать лет.

Эпиграф является сокращенным вариантом русской пословицы "Береги платье снову, а честь смолоду".¹ Пословица полностью звучит из уст старшего Гринева как завет для сына, начинающего самостоятельную жизнь, как мудрость, обращающаяся к юности. Андрей Петрович – опальный аристократ, служивший в свое время при Минихе, и, видимо, вынужденный выйти в отставку после переворота 1762 года.² Отец является выразителем идей просвещения, честь для него заключается в служении тому, кому присягнешь, когда личность оценивается только с точки зрения верности службе. Поэтому в финале романа старший Гринева отказывается от сына, не обращая внимания на защиту Маши: "Не казнь страшна... Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!.." [2, с. 370]. Петр Гринева живет в иной эпохе, отличной от эпохи его отца. Для Петра честь – это, прежде всего, "самостояние", достоинство человеческой личности, потерять которые для самого себя страшнее, чем любой суд – людской, военный, даже отцовский.

Метатекстовый аспект эпиграфа позволяет рассматривать пословицу в произведении как в культурно-историческом контексте XVIII века, так и в контексте современной Пушкину действительности, при этом пословица сохраняет и свою "автономность", то есть ту народную культуру, которая ее сформировала. Общий эпиграф связан с каждым из четырнадцати эпиграфов романа посредством реального воплощения понятия "честь", выявляясь в отношениях людей, занимающих разные социальные позиции и выражающих различные мнения об этом понятии.

Необходимо отметить и связь главного эпиграфа с заглавием, где отсылка к воинскому званию "капитан" подразумевает человека, дворянина, для которого честь – основа его морали. В словосочетании "капитанская дочка" содержится некий оттенок провинциальности; "дочка"-форма домашнего, семейного, обиходного употребления слова "дочь". Такая лексика ориентирует на глубинные структуры романа в целом: речь пойдет о простых военных людях, об их взаимоотношениях. Намечается и мотив преемственности поколений: в названии реализуются отношения "отец – дочь", в эпиграфе – "отец – сын".

Эпиграф к первой главе "Сержант гвардии" заимствован из комедии Я.Б.Княжнина "Хвастун" (1786; д. 3, явл. 6):

¹ В. Шмид указывает, что в русском языке есть вариант этой пословицы: "Береги платье снову, а здоровье и честь смолоду". Это, по его мнению, три блага, которые следует беречь: "Хотя мотив здоровья не появляется в пословице, на него как часть триады благ указывают пространственная смежность и формальная, а также тематическая эквивалентность с мотивами чести и платья" [9, с. 230-237].

² Эта деталь имела для Пушкина личный смысл, о чем он писал в "Моей родословной" (1830): "Мой дед, когда мятеж поднялся / Средь петергофского двора, / Как Миних верен оставался / Паденью третьего Петра" [1, с. 262].

– Был бы гвардии он завтра ж капитан.
– Того не надобно; пусть в армии послужит.
– Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин. [2, с. 279]

Для современников поэта этот источник говорил о многом, перенося их в атмосферу екатерининского царствования. В гвардейские полки зачисляли сыновей наиболее состоятельных и знатных дворян. Это была привилегированная служба: в гвардии можно было быстрее и удачнее сделать военную карьеру. Поэтому дворяне старались устроить своих мальчиков в гвардию. Старший Гринева записал сына в лейб-гвардии Семеновский полк. Когда же пришло время настоящей службы Петруши, отступил от установленного пути. Строки из комедии предупреждают о сложностях судьбы героя.

Структурообразующий момент эпиграфа – конец высказывания "Да кто его отец?" – организует начало главы, начало повествования, являющееся ответом на вопрос эпиграфа: "Отец мой Андрей Петрович Гринева в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором..." [2, с. 279]. Отсылка к отцу, его мировоззрению, является главной стороной эпиграфа. Эпиграф – это своеобразная предыстория, дающая общее представление о судьбе старшего Гринева, его взглядах на жизнь, оппозиционных настроениях, о просветительской традиции, сближающей структуру его образа с положительными героями Княжнина и Фонвизина (Честон, Стародум). В этом выявляется характерологическое зерно эпиграфа. Реализация лексемы "честь" в эпиграфе связана с образом отца. Его жизненные принципы нашли свое отражение в воспитании сына: он сам избрал для него более сложную судьбу, своеобразное испытание мужества, чести и стойкости молодого человека.

Эпиграф первой главы помогает создать образно-семантический ряд, включающий в себя номинации, соотнесенные с понятием "службы": *сержант, капитан, гвардия, армия, послужит – потужит*. Этот ряд уже можно назвать одним из мотивов произведения, реализующимся в различных ситуациях. Обнаруживается его конфликтное, антиномичное, социальное и личностное содержание: служить – тужить, гвардия – армия, сержант – капитан, и более обобщенно дворяне – народ. В романном повествовании антиномичное начало исчезает: Гринева попадает в народную армию, к ее вожаку. Спасает же дворянина "народная" составляющая его души – искренность, рассудительность, благородство, честность, сочувствие, жалость.

Проблематика эпиграфов к третьей главе "Крепость" обращает к их источникам. Первый эпиграф – солдатская песня. Происхождение этой песни неизвестно, предполагается, что она написана самим Пушкиным.³

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку,
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня. [2, с. 294]

³ Это предположение может иметь место, так как в романе встречаются два стилизованных эпиграфа: в одиннадцатой главе Пушкин воспроизвел стиль притч А.П. Сумарокова и в тринадцатой главе – стиль комедий Я.Б. Княжнина. Здесь поэт стилизует народную (солдатскую) песню. Эпиграф был записан и зачеркнут в рукописи второй главы с указанием: "Эпигр.<аф> гл.<авы> III" [см.: 2, с. 860, с. 867].

Эпиграф определяет место действия (topos) – фортеция. С одной стороны, эпиграф комичен в отношении описываемых далее военных устоев: муштры, чаще бесполезной, пустого времяпрепровождения солдат, которые больше играют в карты и пьют. Угроза "Зададим гостям пирушку, / Зарядим картечью пушку" несостоятельна и приобретает ироническое звучание, когда читаем следующие строки: "Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. <...> Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и в китайчатом халате" [2, с. 297]. Всего нескольких эпизодов, нескольких реплик Василисы Егоровны о службе мужа хватает, чтобы выявить истинное положение дел в крепости, а более обобщенно и во всей России: "Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да богу молился; так было бы лучше" [2, с. 297].

С другой стороны, в эпиграфе обнажена реальность службы в армии: ее бытовые трудности ("Хлеб едим и воду пьем"), готовность постоять за Отечество, за честь свою и войска, в чем проявляется связь с общим эпиграфом. Комендант вышел в офицеры "из солдатских детей", был человеком простым, малообразованным, но преданным своему долгу. Это тот самый "неофициальный" патриотизм, который всегда имеет место в армии, особенно в провинциальной среде. Авторская позиция выражается в симпатии, в сочувствии и даже в восхищении такими людьми, готовыми при любых условиях выполнить свой долг. В эпиграфе затронут глубинный пласт бытия сословия "служивых людей" и прослеживается характерологическая линия этого сословия и авторский оценочный подтекст.

Название романа также включается в систему анализируемого эпиграфа. Капитанская дочка Маша внутри третьей главы неожиданно оказывается вовлеченной в смысл "солдатской песни", связывая словесные "знаки" фортеция - враги - пирушка - пушка. В заключительном диалоге главы (разговор Гринева с семейством Мироновых) идет речь именно о пушечном выстреле, которого смертельно испугалась Маша. "С тех пор уж и не палим из проклятой пушки", – говорит Василиса Егоровна [2, с. 298]. Выстраивается структура главы, композиция закольцовывается. Можно провести аналогию с ружьем, которое обязательно должно выстрелить в конце пьесы, здесь же упоминаемое в эпиграфе грозное оружие, когда-то единожды выпалив, вызвало этим ужас капитанской дочки. Ситуация оказывается иронически переосмысленной, перевернутой: "проклятая" пушка больше не сможет "задать гостям пирушку", как обещал эпиграф.

В дальнейшем повествовании вступает в силу усложненный мотив храбрости-чести применительно к женскому образу как спутнице военного человека. Женское достоинство, верность любви и чистота души обретают не меньшую, а, может, даже большую силу, чем пушки. "Трусиха" Маша проявляет стойкость перед лицом опасности и самой смерти. Именно ее образ вынесен в название романа. Этот переход темы в третьей главе от солдатской жизни к скромному и одновременно сильному типу женского поведения обозначен во втором эпиграфе "Старинные люди, мой батюшка. *Недоросль*" [2, с. 294], взятом из комедии Д.И. Фонвизина, где реплика Простаковой звучит так: "Старинные люди, мой отец! Не нынешний был век. Нас ничему не учили" (д. III, явл. 5) [4, с. 140].

Эпиграф главы "Приступ" представляет собой слегка измененный отрывок из песни о казни стрелецкого атамана⁴ [7, № 130]:

⁴ Песня, процитированная Пушкиным, по содержанию противоречива: казнят Князя-Боярина, который не выслужил "ни рангу себе высокого". Скорее всего, по наблюдению В. Шкловского, она представляет соединение двух песен (о казни рядового военного и о казни Князя-Боярина): "Пушкин опирался главным образом на первые пятнадцать строк, но, может быть, его привлекла и драматичность второй части. Рядом с приговоренным идет его сестра и плачет. Он ее утешает:

И ты, свет моя родна сестра,
Тебе плакать, не выплакать,
Молить бога, не вымолить,
У царя просить, не выпросить.

Перенесение драмы с казнимого на близкого ему человека, может быть, учитывалось Пушкиным, так как в главе "Приступ" дело идет и о казни Миронова и о горе и гибели Василисы Егоровны" [8, с. 79].

Голова моя, головушка,
Голова послужная!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года⁵
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня. [2, с. 321]

Эпиграф седьмой главы говорит о судьбе Мироновых. Они - "люди государственные", для которых долг превыше всего: и личного благосостояния, и счастья. Пушкин по-новому разрешает присущую литературе XVIII-го века проблему выбора между долгом и чувством: положительный герой – представитель не высшего общества, а обычный капитан. Отслужив с честью "ровно тридцать лет и три года", комендант крепости готов умереть в бою ("Умирать, так умирать: дело служивое" [2, с. 324]), но "обробелый гарнизон" обрек его быть "вздернутым на воздух" [2, с. 325]. В эпиграфе подчеркивается патриотический, истинно солдатский характер мировоззрения коменданта Миронова.

Стоит сказать и о Емельяне Пугачеве как военном человеке, имевшем опыт участия в Семилетней и русско-турецкой войнах, где хорунжий Пугачев отличился при взятии Бендер в 1770 г. В образе Пугачева как героя "Капитанской дочки" можно выделить несколько ипостасей, которые находят отражение и в эпиграфах романа: бродяга, руководитель восстания, царь и просто человек.⁶ Интересует нас в данном исследовании, прежде всего, фигура руководителя восстания.

Восстание под руководством Пугачева как историческое событие по кровавости, массе убийств ассоциировалось в народе с эпохой Ивана Грозного. Это нашло некоторое воплощение

⁵Здесь Пушкин опустил из народной песни две строки, не совпадающих, по мнению В. Шкловского, с родом службы капитана Миронова - "пехотинца" [8, с. 79]:

Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вынимаючи.

⁶Во второй главе Пугачев воплощен в образе бродяги, в восьмой главе "Незванный гость" предстает как руководитель восстания, в эпиграфах к шестой, десятой и одиннадцатой главам образ Пугачева соотнесен с фигурой царя. В. Шкловский отмечал, что "все эпиграфы, относящиеся к Пугачеву, взяты из таких стихотворений, в которых строчкой позже или строчкой раньше упоминается слово "российский царь" [8, с. 74]. В эпиграфе к двенадцатой главе реализуется образ Пугачева-человека, проявившийся в его "отцовстве", и предсказывается судьба Маши. "Отцовство" Пугачева обнаруживается и в отношении Гринева, увидевшего сон, где в постели, на которой должен лежать его отец, видит Пугачева: "Вместо отца моего, вижу, в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая". Матушка называет его "посаженым отцом": "...поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит" [2, с. 289]. Наяву эта "подмена" совершается в ситуации "сватовства" Гринева: благословение он получает не от родного отца, а от посаженного. Лексема "отец" приобретает и более широкий смысл: отец для всех сирот, их защитник и покровитель. В слове "сирота" сконцентрировано состояние одиночества, обиженности судьбой, а потому Пугачев чувствует необходимость своей помощи: "Глаза у Пугачева засверкали. "Кто из моих людей смеет обижать сироту? Будь он сам пядей во лбу, а от суда моего не уйдет"" [2, с. 348]. На двенадцатой главе прекращается повествование о Пугачеве. Пушкин сознательно обрывает его там, где о герое сказано лучшее, когда Гринева и Маша будут "каждый день <...> молить бога о спасении грешной души" [2, с. 356] разбойника. Автор фиксирует внимание читателя на этом положительном: в характере Пугачева точка ставится на его человечности.

в эпитафиях романа, имеющих отношение к Пугачеву. Источником эпитафия к шестой главе "Пугачевщина" являются начальные слова песни из чулковского сборника о взятии Казани:

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.
Песня. [2, с. 313]

Далее следовало:

Про грозного царя Ивана про Васильевича,
Как он, наш Государь царь, под Казань город ходил. [6, № 125]

Эпитафия воспринимается как "лирический зачин" главы. Но зачинный характер эпитафия реализован и внутри структуры главы: сначала следует историческая прелюдия: "Сия обширная губерния обитаема была множеством полудиких народов..." [2, с. 313]. Используется панорамное описание, автор мыслит историческими категориями, но постепенно переходит к детализированному, "микроскопическому" повествованию. Дается оценка некоторых эпизодов российской истории и несколько исторических уроков: "Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными" [2, с. 313]. Пушкин затрагивает еще одну сторону устройства вооруженных сил Российской империи, в XVIII веке окончательно подчинившей казачество путем крупных карательных мер. К началу XIX века оно образовалось в отдельное военное сословие, ставшее главной силой российской армии до первой четверти XX века и служившее с 1811 г. как личный конвой царя (Собственный Его Императорского Величества Конвой). В фигуре Емельяна Пугачева Пушкин воплотил надежды казачества.

Эпитафия к X главе "Осада города" взят из поэмы "Россияда" (1771-1779, песнь 11, стих 83-86) М.М. Хераскова из сцены взятия Казани Иваном Грозным:

Заняв луга и горы,⁷
С вершины, как орел, бросал, на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат
И, в нем перуны скрыв, в нощи привести под град.
Херасков. [2, с. 338]

Эпитафия отмечает организаторские способности Пугачева-военачальника, которые, по словам историков, превосходили способности царских военачальников. В тексте главы торжественность эпитафия частично пересматривается, приобретает иронический и одновременно трагический оттенок: Пугачев не смог взять город Оренбург, осада которого стала "гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия" [2, с. 341].

В заключение отметим, что Пушкин ненавязчиво сумел показать основные типы военных людей среди дворянства, казачества, простых солдат, обнажив проблемы военной службы в екатерининскую эпоху. С помощью такого структурного элемента текста как эпитафия ярче и отчетливее проступают персонажи романа, вскрывается их сущность. В эпитафиях имена поэтов и драматургов XVIII века чередуются с народными песнями: литературному стилю эпохи, классицизму, его дворянскому характеру противостоит народность песенных эпитафий. Так и дворянскому пониманию военной службы (как в эпитафии из Княжнина) противопоставляется реальное бытие "служилых" людей (как в стилизованном Пушкиным эпитафией "Мы в фортеции живем..."). Эпитафии являются связующим эстетическим звеном между заголовком и текстом, создавая дуализм позиций, выводящий на философскую позицию "че-

⁷ У Пушкина отсутствует первая половина этой строки: "Меж тем Российский Царь <...>" [5, с. 224].

сти–самостояния". Обращает на себя внимание и метатекстовый фон эпитафий, воссоздающих "воздух" культуры прошлого. Эпитафии помогают формировать новую реальность, создавать параллельный знаковый текст, который выводит в область большего художественного обобщения, чем только текст произведения.

Литература

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 1 - 16. М.; Л., 1937-1949. Т. 3.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 1 - 16. М.; Л., 1937-1949. Т. 8.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 1 - 16. М.; Л., 1937-1949. Т. 12.
4. Фонвизин Д.И. Собр. соч.: в 2 т. / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. Г.П. Макогоненко. М.; Л., 1959. Т. 1.
5. Херасков Михаил. Творения. В 12 частях. Изд. 2-е, испр. и дополненное. М., 1807-1812. Ч. 1.
6. Чулков М.Д. Собрание разных песен. М., 1780. Ч. I. № 125.
7. Чулков М.Д. Собрание разных песен. М., 1780. Ч. II. № 130.
8. Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. О произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чехова. Изд. 2-е. М., 1955.
9. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. "Повести Белкина" / Пер. с нем. Е.П. Жеребина. СПб., 1996.